

Научная статья
УДК 338.27
<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2024-4-16-23>.

Оценка теневой занятости населения в сельскохозяйственной отрасли

Агапова Татьяна Николаевна¹, Соболева Алина Александровна²

^{1,2}Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия,

¹tnagapova@gmail.com

²milianisoboleva@bk.ru

Аннотация

Теневая занятость населения в сельском хозяйстве является распространенным явлением не только в развивающихся странах, но и в странах со сформированным рынком. На основе статистических данных в статье проведен анализ текущей ситуации неформальной занятости в сельскохозяйственной отрасли, предложены возможные пути решения проблемы, включая улучшение фискального регулирования, повышение прозрачности и доступности информации и так далее.

Ключевые слова: теневая экономика, теневая занятость, трудовые отношения, экономика, сельское хозяйство, неформальный сектор, факторы теневой занятости, неофициальное трудоустройство

Для цитирования

Агапова Т. Н., Соболева А. А. Оценка теневой занятости населения в сельскохозяйственной отрасли // На страже экономики. 2024. № 4 (31). С. 16–23. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2024-4-16-23>.

Original article

Assessment of shadow employment in the agricultural sector

Tatiana N. Agapova¹, Alina A. Soboleva²

^{1,2}Moscow University Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russian Federation,

¹tnagapova@gmail.com

²milianisoboleva@bk.ru

Abstract

Shadow employment in agriculture is a widespread phenomenon not only in developing countries, but also in countries with an established market. Based on statistical data, the article analyzes the current situation of informal employment in the agricultural industry, suggests possible ways to solve the problem, including improving fiscal regulation, increasing transparency and accessibility of information and others.

Keywords: shadow economy, shadow employment, labor relations, economy, agriculture, informal sector, factors of shadow employment, informal employment

© Агапова Т. Н., Соболева А. А., 2024

For citation

Agapova T. N., Soboleva A. A. Assessment of shadow employment in the agricultural sector. *The Economy under Guard*, 2024, no. 4 (31), pp. 16–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2024-4-16-23>.

В современном обществе актуализируются проблемы, связанные с теневой экономикой и неофициальным трудоустройством. Несмотря на тенденцию к снижению неофициального трудоустройства, на протяжении последних трех десятилетий неформальность остается широко распространенной как в странах со сформировавшимся агропромышленным рынком, так и в развивающихся странах. Британское агентство *World Economics* на регулярной основе проводит анализ теневой экономики в 152 странах мира. В 2023 году наименьший удельный вес неофициальной экономики к валовому внутреннему продукту (далее — ВВП) зафиксирован в США (7,2 %), а наибольший — в Афганистане (73,6 %). Россия же занимает 34 место в соотношении 38,2 % к ВВП, что в абсолютном значении составляет 2 189,92 млрд долларов. Рассматривая удельный вес теневой экономики к ВВП стран БРИКС, можно отметить, что в данном рейтинге Россия занимает 2 место, уступая Индии на 0,7 % (рис. 1) [1]. Наличие такого большого теневого сегмента в стране, как утверждают эксперты, является следствием нестабильного законодательства в области экономики, особенно в части, касающейся налогов и обязательных платежей. Также следует отметить, что несовершенство социально-экономических отношений, бесчисленное множество разноуровневых хозяйственных структур, расплывчатость системы рыночных взаимоотношений, недостаточная организованность или отсутствие системности в институтах, регулирующих экономические отношения, существенно затрудняют точное описание структуры теневой занятости.

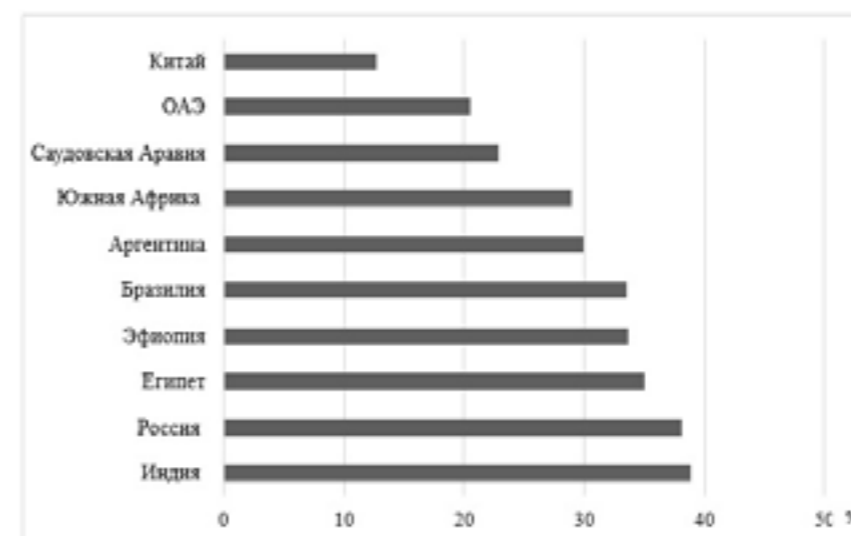

Рис. 1. Удельный вес теневой экономики к внутреннему валовому продукту стран БРИКС в 2023 году

Fig. 1. The share of the shadow economy in the gross domestic product of the BRICS countries in 2023

Различные аспекты теневой занятости в сфере трудовых отношений выступали объектом исследования следующих ученых: Р. И. Акьюлова [2], М. В. Батюкова, Ш. К. Кутаева, А. Ю. Михайлова, М. Н. Мухановой, А. Н. Покиды, И. Н. Скуратовой и других.

Так, Ш. К. Кутаев определяет теневую занятость как занятость населения без оформления трудовых договоров, контрактов, различных кустарно-ремесленных производств без соответствующей регистрации [3].

А. Ю. Михайлов под неформальной занятостью подразумевает «...отношения без юридического оформления в рамках легальной деятельности, не отражаемой в отчетности, между работодателями и работниками, не способными на данный момент самостоятельно обеспечить себя работой или найти место в структуре официальной трудовой деятельности» [4].

По мнению И. Н. Скуратовой, теневая занятость — вид занятости в неформальной экономике, когда фактически установленные трудовые отношения между работником и работодателем подлежат сокрытию от официальных властей [5].

Иными словами, трудовая деятельность в теневом секторе — это вид неофициальной занятости, который характеризуется неофициальной регистрацией работника и, как следствие, отсутствием уплаты налогов и страховых взносов.

На теневую занятость населения в отрасли сельского хозяйства влияет ряд сложных и неоднозначных факторов, обуславливающих поиск дополнительных источников заработка в неформальном секторе:

- экономическая нестабильность;
- низкие доходы в сельской местности;
- ограниченные возможности для официального трудоустройства;
- отсутствие доступа к социальным гарантиям;
- слабый контроль со стороны государства;
- недостаточное привлечение к ответственности работодателей;
- недостаток альтернативных источников дохода;
- ограниченные возможности для обучения и профессионального развития.

Вышеуказанные факторы в разной степени могут влиять на распространение теневой занятости населения в сельском хозяйстве и требуют комплексного подхода к ее решению.

Материалы и методы. Для оценки неофициальной занятости используются следующие методы: анализ, дедукция, графический и статистический методы.

Результаты и обсуждение. Определение неформального сектора существенно отличается от понятия теневой экономики. Большинство отраслей производства в неформальном секторе работают в соответствии с законодательством, предоставляя товары и услуги, которые соответствуют установленным требованиям. Предпринимательская деятельность в данном секторе необязательно связана с целенаправленным уклонением от уплаты налогов, страховых взносов или нарушением трудового законодательства, но тем не менее некоторые организации предпочитают не регистрироваться или не иметь разрешения на деятельность, чтобы полно или частично избежать соблюдения нормативных актов, а также снизить производственные издержки. Теневая экономика относится к экономическим проявлениям, которые осуществляются вне официальных каналов и рыночных механизмов, а также уклоняются от уплаты налогов и соблюдения правовых норм.

К показателю «занятые в неформальном секторе» относят лиц, которые в период исследования вне зависимости от вида деятельности: основной или дополнительной, или статуса занятости были заняты в одной из производственных единиц неформального сектора. Основным критерием определения единицы неформального сектора является отсутствие государственной регистрации как юридического лица.

К занятым в неформальном секторе относятся:

- индивидуальные предприниматели;
- лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц;
- члены семьи, помогающие в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников;
- лицо, работающее на индивидуальной основе без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;
- занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена [6].

По данным Федеральной службы государственной статистики, на 2021 год удельный вес неформальной занятости в общей численности занятых составил 20,32 %, что на 3,92 % больше по сравнению с 2010 годом (16,4 %).

Если рассматривать структуру занятых в неформальном секторе по видам экономической деятельности, то можно сделать вывод, что в топ отраслей с высоким процентом теневых отношений входят оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (30,7 % от общего числа занятых в неформальном секторе); сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (16 %); обрабатывающая промышленность (10,7 %); строительство (10,5 %); транспортировка и хранение (10,5 %) [6] (рис. 2).

Рис. 2. Удельный вес численности занятых в неформальном секторе по видам экономической деятельности за 2021 год

Fig. 2. Share of the number of people employed in the informal sector by type of economic activity in 2021

Отсутствие предусмотренного законодательством надлежащего оформления трудовых отношений является фактором их деформации, который выражается

в хищнической эксплуатации работников. Данный тип искажения проявляется, с одной стороны, в трудоустройстве неквалифицированной рабочей силы. Нарушение формальных норм ослабляет административные и бюрократические барьеры, что приводит к тому, что к работе с опасными оборудованием и предметами допускаются лица, не обладающие достаточными знаниями, навыками и компетенциями.

С другой — неформальная занятость предполагает отсутствие социальных гарантий, возможность несоблюдения условий оплаты труда и проблемы судебной защиты для лиц, работающих без официально оформленного трудового договора.

Многочисленные исследования показали положительную тенденцию искоренения неформальной занятости в сельскохозяйственной отрасли, так как государство проводит реформы, направленные на улучшение условий труда, обеспечение социальной защиты работников, упрощение процедур трудоустройства и стимулирование развития официального сектора [7–10].

Удельный вес теневой занятости в сельском хозяйстве варьируется около 40 % в среднем от общего числа занятых за 2009–2021 годы [6].

Для оценки прогнозных значений в качестве наиболее достоверной и надежной модели выбрана полиномиальная функция второго порядка (1), где коэффициент детерминации составляет 0,79 (~ 63 %):

$$\hat{y}_t = 3713,6 - 2,4471x - 9,2283x^2. \quad (1)$$

Коэффициент уравнения тренда $a_1 = -2,4471$ констатирует тенденцию ослабления показателя теневой занятости населения в сельскохозяйственной отрасли. Обратим внимание, что коэффициент a_2 показывает наличие скорости снижения показателя численности занятых в неформальном секторе, за анализируемые 13 лет она ежегодно сокращается примерно на 9 228 человек.

Исходя из вышеизложенного, при сохранении выявленной тенденции, в 2024 году происходит снижение значения показателя теневой занятости в сельском хозяйстве до уровня 1 312 тысяч человек от общего числа занятых (рис. 3).

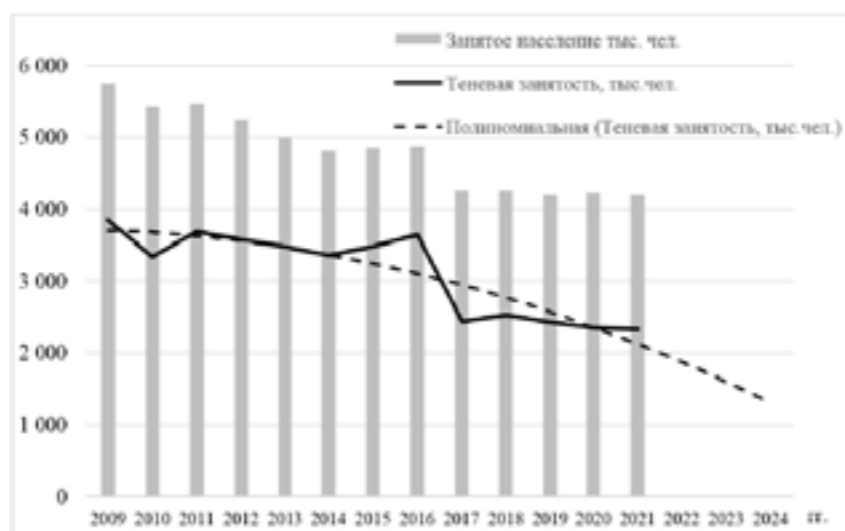

Рис. 3. Динамика показателя неформальной занятости от общей численности занятого населения в сельском хозяйстве, *тысяч человек*

Fig. 3. Dynamics of the informal employment indicator from the total number of employed population in agriculture, *thousands of people*

Изменение неформальной занятости находится под существенным влиянием политических факторов. Для устранения широкого спектра коренных причин неформальной деятельности пакеты политических мер должны быть комплексными и адаптированными к условиям страны. Как в России, так и в странах, где неформальность является преимущественно отражением политической нестабильности, соответствующий пакет мог бы рационализировать нормативную и налоговую базу, одновременно повышая эффективность деятельности правительства и правоприменение нормативных требований.

Важным направлением в решении проблемы неформальной занятости населения в сельском хозяйстве является совершенствование фискального регулирования, что выражается в разработке и внедрении более жестких норм и стандартов контроля за трудовыми отношениями и, как следствие, усилении ответственности за нарушения законодательства в области труда.

В целях эффективного реагирования на изменения в сельскохозяйственной отрасли, а также повышения прозрачности и доступности информации возникает необходимость в создании специализированных образовательных программ и компаний, направленных на информирование населения о правах и обязанностях в сфере труда, а также в модернизации механизмов консультации и поддержки работников, которые сталкиваются с проблемами в трудовых отношениях.

Заключение. Развитие неформальной занятости создает серьезные проблемы как на федеральном, так и на региональном уровнях, игнорировать которые невозможно. Дальнейшее совершенствование методологии измерения теневой занятости должно строиться на современных инструментах и подходах, что позволит более точно оценить влияние неформальной занятости на экономику страны в целом, а также разработать целенаправленные меры по ее сокращению и повышению уровня социальной защиты работников.

Список источников

1. Informal Economy Sizes. URL: <https://www.worldeconomics.com/Informal-Economy> (дата обращения: 03.03.2023).
2. Акьюлов Р. И. Современные тенденции развития теневой занятости в российской экономике // Дискуссия. 2020. № 2 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-tenevoy-zanyatosti-v-rossiyskoy-ekonomike> (дата обращения: 06.03.2024).
3. Кутаев Ш. К. К вопросу о неформальной занятости // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neformalnoy-zanyatosti> (дата обращения: 06.03.2024).
4. Михайлов А. Ю. Неформальная занятость на Российском рынке труда // Наукоедение (интернет-журнал). 2015. Т. 7. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/116EVN415.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Скуратова И. Н. Проблемы теневой занятости в Российской Федерации // Вестник РУК. 2016. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tenevoy-zanyatosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 02.03.2024).
6. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): статистический сборник. Москва, 2022.

7. Оценка теневого сектора экономики России: отечественный и зарубежный опыт / М. В. Батюков, В. А. Гречушкин, В. М. Кравченко, В. Н. Колобовников // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 2 (104). С. 110–113.

8. Муханова М. Н. Занятость селян в неформальном секторе на региональных рынках труда АПК // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Издательство «Гуманитарный университет», 2018.

9. Покида А., Зыбуновская Н. Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 60–87.

10. Поспелов А., Горин Я. Неформальная занятость и теневая экономика // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Казань, 23 мая 2020 года. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2020.

References

1. Informal Economy Sizes. URL: <https://www.worldeconomics.com/Informal-Economy> (accessed 03.03.2023). (In Russ.)

2. Akyulov R. I. Modern trends in the development of shadow employment in the Russian economy. *Discussion*, 2020, no. 2 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-tenevoy-zanyatosti-v-rossiyskoy-ekonomike> (accessed 06.03.2024). (In Russ.)

3. Kutaev Sh. K. On the issue of informal employment. *Regional Economy: Theory and Practice*, 2009, no. 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neformalnoy-zanyatosti> (accessed 06.03.2024). (In Russ.)

4. Mikhailov A. Yu. Informal employment in the Russian labor market. *Naukovedenie (Internet journal)*, 2015, vol. 7, no. 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/116EVN415.pdf> (accessed 04.03.2024) (In Russ.)

5. Skuratova I. N. Problems of shadow employment in the Russian Federation. *Bulletin of the RUK*, 2016, no. 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tenevoy-zanyatosti-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed 02.03.2024). (In Russ.)

6. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample surveys of the labor force): statistical collection. Moscow, 2022. (In Russ.)

7. Assessment of the shadow sector of the Russian economy: domestic and foreign experience / M. V. Batyukov, V. A. Grechushkin, V. M. Kravchenko, V. N. Kolobovnikov. *Science and business: development paths*, 2020, no. 2 (104), pp. 110–113. (In Russ.)

8. Mukhanova M. N. Employment of rural residents in the informal sector in regional labor markets of the agro-industrial complex. XXI Ural sociological readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development: materials of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, March 15–16, 2018) / ed. by Yu. R. Vishnevsky. Ekaterinburg: Humanitarian University Publ., 2018. 593 p. (In Russ.)

9. Pokida A., Zybunovskaya N. Dynamics of shadow employment of the Russian population. *Economic policy*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 60–87. (In Russ.)

10. Pospelov A., Gorin Ya. Informal employment and the shadow economy. Breakthrough economic reforms in the face of risk and uncertainty: a collection of articles following the results of the International scientific and practical conference, Kazan, May 23, 2020.

Sterlitamak: Limited Liability Company “Agency for International Research”, 2020. (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

Т. Н. Агапова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

T. N. Agapova — Doctor of Sciences (Economy), Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

А. А. Соболева — адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

A. A. Soboleva — Adjunct of the Moscow University Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikoty

Статья поступила в редакцию 10.11.2024, одобрена после рецензирования 20.11.2024, принята к публикации 12.12.2024.

The article was submitted 10.11.2024, approved after reviewing 20.11.2024, accepted for publication 12.12.2024.